

Типпинг К. - Радикальное прощение (отрывок)
(отрывок из книги К. Типпинга «Радикальное прощение») ^[1]

История Джилл

Увидев свою сестру Джилл в зале ожидания международного аэропорта Хартсфилд в Атланте, я с первого взгляда понял, что у нее произошло что-то неладное. Сестра никогда не умела скрывать свои чувства, и мне стало ясно, что на душе у нее тяжело. Джилл прилетела в Соединенные Штаты из Англии вместе с нашим братом, Джоном, которого я не видел шестнадцать лет. Он эмигрировал из Англии в Австралию в 1972 году, а я переехал в Америку в 1984. Джилл единственная из нас троих осталась жить в Англии.

Джон ездил на родину, в Великобританию, а на обратном пути решил заехать в Атланту. Джилл полетела в Америку вместе с ним, чтобы пару недель погостить у нас с Джоанной и попрощаться с Джоном, когда тот будет улетать в Австралию.

После объятий, поцелуев и нескольких секунд неловкого замешательства мы отправились в гостиницу. Я снял для нас номера, чтобы следующим утром показать Джилл и Джону Атланту, прежде чем ехать домой, на север.

Едва представилась возможность для серьезного разговора, Джилл сказала:

— Колин, у меня беда. Мы с Джефом, наверное, разведемся.

Хотя я сразу заметил, что сестра чем-то подавлена, это заявление меня удивило. Они с Джефом жили вместе вот уже шесть лет, и мне всегда казалось, что они счастливы. Оба состояли в браке прежде, но этот союз казался мне прочным. У Джефа от прежней жены было трое детей, а у Джилл - четверо. Сейчас с ними жил только младший сын моей сестры, Пол. - %о случилось? - спросил я. _ Видишь ли, все это страшно запутано, и я даже не знаю, с чего начать, - ответила Джилл. - Джеф ведет себя очень странно, и я уже не в силах это терпеть. Дошло до того, что мы почти перестали разговаривать. С ума сойти можно. Он совсем от меня отвернулся и говорит, что я сама во всем виновата.

— А ну-ка рассказывай все по порядку, - сказал я, взглянув на Джона, который только утомленно закатил глаза.

Прежде чем лететь в Атланту, он прожил у них неделю, и я понял, что брат сыт по горло всей этой ситуацией.

— Ты помнишь старшую дочь Джефа, Лорен? - спросила Джилл. Я кивнул. - Так вот, ее муж примерно год назад погиб в автокатастрофе. С тех пор у нее с Джефом сложились очень странные взаимоотношения. Он часами шепчется с ней по телефону, называет ее «Любовь моя» и говорит всякие ласковые слова. Можно подумать, что она ему - любовница, а не дочь. Когда она звонит, он бросает все свои дела и повисает на телефоне. И когда она приходит к нам домой, он ведет себя точно так же если не хуже. Они усаживаются рядышком в укромном уголке и ведут эти свои долгие приглушенные беседы, куда нет доступа никому, особенно мне. У меня больше нет сил терпеть. Мне кажется, что она стала центром его жизни, а для меня там места нет. Я чувствую себя совершенно покинутой и ненужной.

Сестра рассказывала и рассказывала, вдаваясь все в новые детали странной динамики своих семейных отношений. Мы с Джоанной внимательно слушали, проявляя сочувствие и недоумевая по поводу причин поведения Джефа. Мы советовали Джилл, как ей следовало бы поговорить с мужем, и пытались найти способ исправить положение, - в общем, вели себя так, как и должны вести себя озабоченный брат и невестка. Джон тоже принял участие в разговоре и высказал свою точку зрения на происходящее.

Такое поведение было нехарактерно для Джефа, и это показалось мне странным и подозрительным. Я знал, что Джеф очень привязан к своим дочерям и нуждался в их одобрении и любви, однако я никогда не видел, чтобы он вел себя подобным образом. Насколько я знал, этот человек относился к Джилл с глубочайшей нежностью и любовью. На самом деле, мне

было просто трудно поверить, чтобы он мог быть так жесток с ней. И я хорошо понимал, почему сестре настолько тяжело переносить эту ситуацию, - тем более что Джеф настаивал на том, что она все просто выдумывает и сама сводит себя с ума.

Мы говорили на эту тему в течение всего следующего дня. У меня в уме начала складываться картинка того, что происходит между Джилл и Джефом с точки зрения радикального прощения, однако я решил об этом не говорить - до поры. Сестра была слишком поглощена своей драмой и пока не смогла бы понять мои слова. Радикальное прощение основано на широких духовных предпосылках, которые она еще не разделяла со мной, когда мы все вместе жили в Англии. Понимая, что ни Джилл, ни Джон не знают о моих убеждениях, лежащих в основе радикального прощения, я осознавал, что пока еще рано предлагать им непростую для восприятия мысль о том, что ситуация совершенна в том виде, в каком существует, что она представляет собой возможность для исцеления.

Однако на второй день, когда мы снова завели беседу о проблеме моей сестры, я решил, что уже настало время попытаться применить подход радикального прощения. Для этого нужно было, чтобы Джилл с открытым сердцем рассмотрела возможность, что за завесой очевидного происходит что-то еще - некий осмысленный процесс, благой божественный замысел. Однако сестра слишком вжилась в роль жертвы в данной ситуации, и я не был уверен, сумеет ли она услышать интерпретацию поведения Джефа, которая лишит ее этой роли.

И все-таки, когда она в очередной раз начала пересказывать свою историю, я наконец решил вмешаться и нерешительно спросил:

— Джилл, не хочешь ли ты взглянуть на эту ситуацию с другой стороны? Сможешь ли ты быть достаточно отрывной, чтобы выслушать иную интерпретацию происходящего?

Она посмотрела на меня озадаченно, словно спрашивая: «Какая уж тут может быть другая интерпретация? Все ясно как Божий день». Однако в прошлом я уже помогал Джилл решить некоторые проблемы во взаимоотношениях с людьми, и у нее были основания мне верить. Поэтому я ответил:

— Ладно, попробую. Говори.

Такая степень открытости меня вполне удовлетворила.

— То, что я скажу, может показаться тебе странным, но постарайся не спорить, пока я не закончу. Просто оставайся открытой и подумай, имеют ли мои слова для тебя хоть какой-то смысл.

До сих пор Джон старался быть внимательным к Джилл, но этот нескончаемый разговор по кругу порядком ему надоел. На самом деле, он уже почти отключился от сестры. Однако я заметил, что мои слова немного оживили брата, и он внимательно слушал.

— Джилл, то, что ты нам рассказала, конечно, правда, - как видишь ее ты. Я ничуть не сомневаюсь, что все происходит именно так, как ты говоришь. Кроме того, Джон был свидетелем этой ситуации в течение последних трех недель и может подтвердить твои слова. Правда, Джон? - осведомился я, обернувшись к брату.

— Именно так, - подтвердил Джон. - Я собственными глазами видел все, о чем рассказывает Джилл. Мне ситуация в их семье показалась очень странной, и нередко было просто неловко там находиться.

— Ничего удивительного, - заметил я. - В любом случае, Джилл, что бы я ни сказал, я не ставлю под сомнение твои слова и не пытаюсь преуменьшить значение происходящего. Я уверен, дела обстоят именно так, как ты рассказала. Однако позволь мне указать, что, возможно, за твоей ситуацией скрывается что-то еще.

— Что значит скрывается за ситуацией? - спросила Джилл, окинув меня подозрительным взглядом.

— Совершенно естественно думать, что вся реальность видна на поверхности, - объяснил я. - Но возможно, что очень многое происходит также за покровом реальности. Мы этого не видим, поскольку наши пять чувств не предназначены для подобной задачи. Но это вовсе не означает, что все ограничивается очевидным.

— Взять, хотя бы, твою ситуацию, - продолжал я, - между тобой и Джефом развернулась жизненная драма. Это вполне очевидно. Но что, если за этой драмой скрывается некое духовное событие, - те же люди, те же ситуации, но все это имеет совершенно другое значение? Что, если ваши души танцуют этот танец совсем под другую музыку, которую мы не слышим? Что, если в этой ситуации вы можете увидеть возможность для исцеления и роста? Ведь тогда происшедшее можно было бы истолковать совсем иначе, правда?

И Джон и Джилл смотрели на меня так, словно я говорю на иностранном языке. Я решил отступить от теоретических объяснений и обратиться непосредственно к случаю сестры.

— Вспомни последние месяцы три, Джилл, - продолжал я. - Что ты чаще всего чувствовала, когда видела, с какой любовью Джефри общается со своей дочерью Лорен?

— Большей частью злость! - ответила она и, подумав, добавила: - Разочарование!

Затем, после долгой паузы, сестра продолжила:

— И печаль. Мне очень грустно, - на ее глаза навернулись слезы. - Я чувствую себя одинокой и нелюбимой, - сказала она и начала тихонечко всхлипывать. - Было бы не так тяжело, если бы я думала, что он вообще не умеет любить, однако он умеет и любит, - но только ее!

Яростно и страстно выплюнув последние слова, Джилл впервые после своего приезда ко мне разрыдалась. У нее и до этого несколько раз на глаза наворачивались слезы, но ни разу еще она не позволила себе выплакаться как следует. Теперь наконец она дала волю слезам. Меня порадовало, что Джилл смогла осознать собственные чувства так быстро.

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем сестра успокоилась и снова смогла говорить. Тогда я спросил:

— Джилл, вспомни, не испытывала ли ты те же чувства, когда была маленькой?

— Да, - ответила сестра без колебаний. Поскольку она не стала сразу рассказывать, когда это было, я попросил ее объяснить. Джилл начала не сразу.

— Папа тоже меня не любил! - выпалила она наконец и снова начала всхлипывать. - Я хотела, чтобы он меня любил, а он не любил. Я думала, что он не способен любить никого! А потом, Колин, я увидела, как он относится к твоей дочери. Ее-то папа любил. Так почему же он не любил меня, черт побери?! - прокричав эти слова, она ударила кулаком по столу и снова разрыдалась.

Джилл имела в виду мою старшую дочь, Лорен. По случайности или, скорее, по закону синхронистичности она носит то же имя, что и старшая дочь Джефа.

Поплакав, Джилл почувствовала себя намного лучше. Слезы принесли ей облегчение и, возможно, что-то перевернули в ее душе. Я подумал, что, наверное, скоро нас ждет прорыв. Нужно было подтолкнуть ее к дальнейшему разговору.

— Расскажи мне, что произошло между моей дочерью, Лорен, и отцом, - попросил я.

— Видишь ли, - сказала Джилл, беря себя в руки, - я всегда очень хотела, чтобы отец любил меня, но чувствовала, что он ко мне равнодушен. Он никогда не брал меня за руку и не сажал к себе на колени. Мне казалось, что со мной что-то не так. Когда я стала старше, мама сказала, что папа вообще никого не способен любить, даже ее.

И тогда я более или менее с этим примирилась. Я объяснила себе, что, если он вообще никого не любит, значит, я не виновата в том, что он равнодушен ко мне.

Он и вправду никого не любил. Папу совсем не интересовали мои дети - его внуки, - а тем более чужие люди и дети. Он не был плохим отцом, - просто не умел любить. Мне было жаль его.

Джилл еще немного поплакала. Я понимал, о чем она говорит. Наш отец был добрым и кротким человеком, но очень уж тихим и замкнутым. Казалось, что он вообще не испытывает никаких чувств по отношению к окружающим.

Снова взяв себя в руки, сестра продолжила:

— Мне вспоминается один день у тебя дома. Твоей дочери, Лорен, было лет пять или четыре. Мама с папой приехали из Лестера погостить у нас, и мы все вместе отправились к тебе. Я увидела, как твоя Лорен берет папу за руку. «Идем, дедушка, - сказала она, - я покажу тебе сад и все мои цветы». Он был как марионетка в ее руках.

Девочка водила его по саду, показывала цветы и все щебетала, щебетала, щебетала. Она просто очаровала его. Я все время смотрела на них из окна. Когда они вернулись в дом, папа посадил Лорен на колени, играл с ней и смеялся, - я и не помню его таким! Я пришла в отчаяние. «Значит, он все-таки может любить», - подумала я.

— Если он способен любить Лорен, почему не меня? - последние слова сестра произнесла шепотом, и из глаз ее потекли слезы боли и печали, которые она держала в себе все эти годы.

Я решил, что для начала вполне достаточно, и предложил выпить чаю. (В конце концов, мы - англичане! Мы всегда пьем чай, что бы ни творилось вокруг!)

Взглянув на историю Джилл с точки зрения радикального прощения, я легко заметил, что своим на первый взгляд странным поведением Джеф подсознательно пытался помочь Джилл исцелить ее неразрешенную боль, обусловленную взаимоотношениями с отцом. Если сестра сумеет увидеть совершенство в действиях Джефа, ей удастся исцелиться от этой боли, - и поведение Джефа почти наверняка изменится. Однако тогда я еще не знал, как объяснить это Джилл таким образом, чтобы она все поняла. К счастью, мне и не пришлось ничего говорить. Она заметила эту очевидную связь сама. Чуть позже в тот же день сестра спросила:

— Колин, тебе не кажется странным, что дочь Джефа зовут так же, как и твою дочь? Подумай: обе - блондинки, и обе - первенцы. Вот ведь странное совпадение! Ты не думаешь, что тут есть какая-то связь?

— Именно так, - ответил я, рассмеявшись. - Это - ключ к пониманию всей ситуации.

— Что ты имеешь в виду? - спросила она, устремив на меня долгий пристальный взгляд.

— Сама подумай, - ответил я. - Какие еще параллели ты видишь между тем эпизодом, когда папа играл с Лорен, и своей нынешней ситуацией?

— Давай посмотрим. Обоих девочек одинаково зовут и обе легко получают то, чего я не могу добиться от мужчин в моей жизни.

— Что же это? - поинтересовался я.

— Любовь, - прошептала Джилл.

— Продолжай, - ласково подбодрил ее я.

— Я увидела, что твоя Лорен сумела добиться от папы любви, которой так не хватало мне. И дочь Джефа, Лорен, тоже получает от своего отца любовь, - но за мой счет. О Господи! - воскликнула Джилл.

Теперь она начала понимать.

— Но почему? - спросила она тревожно. - Я не понимаю почему. Меня это пугает! Что же, черт побери, происходит?

Настало время сложить кусочки мозаики воедино.

— А теперь послушай, - сказал я, - позволь мне объяснить, как все получается. Это прекрасная иллюстрация моих слов, что за любой жизненной драмой скрывается некая незримая реальность. Поверь мне, тут нечего пугаться. Поняв, как это все происходит, ты почувствуешь уверенность и умиротворенность, о каких и не мечтала прежде. Ты осознаешь, насколько заботлив к нам Бог (или Вселенная, или как ты предпочтешь назвать Это), независимо от того, насколько тягостной кажется та или иная ситуация.

— С духовной точки зрения ощущение дискомфорта в любой ситуации служит нам сигналом, что мы не в ладу с духовным законом и нам дана возможность исцелить те или иные душевные травмы. Это может быть именно душевная травма или, возможно, какие-то ядовитые убеждения, мешающие нам быть собой. Однако мы нечасто смотрим на вещи таким образом. Мы предпочитаем прибегать к оценочным суждениям и винить во всем окружающих, а это мешает нам понять смысл ситуации и извлечь из нее урок. Это мешает нам исцелиться. Если же мы не исцеляем свои душевные травмы, то тем самым создаем вокруг себя еще больше дискомфорта до тех пор, пока обстоятельства буквально не заставят нас задаться вопросом: «Что же все-таки происходит?» Иногда для того, чтобы человек обратил внимание на происходящее, ему необходима очень сильная встряска или нестерпимая боль. Такой встряской

может быть, например, смертельная болезнь. Однако даже перед лицом смерти многие не видят, что происходящее в их жизни дает им возможность исцеления.

— В твоём случае, - продолжал я, - нужно исцелить боль, вызванную тем, что отец никогда не проявлял свою любовь к тебе. Именно здесь коренится причина твоей нынешней боли и дискомфорта. Эта боль уже просыпалась много раз в различных ситуациях, но, поскольку ты никогда не замечала возможности исцеления, все оставалось по-прежнему.

Поэтому каждая новая возможность увидеть свою проблему и избавиться от нее - это дар!

— Дар? - переспросила Джилл. - Ты говоришь, что это дар, поскольку в данной ситуации таится послание для меня? Послание, которое я могла бы получить давным-давно, если бы только заметила его?

— Да, - сказал я, - если бы ты его заметила раньше, то сразу же почувствовала бы себя более комфортно и теперь бы тебе не пришлось пройти через то же самое. Однако это не так уж важно. Сейчас тоже не поздно. Ты увидела совершенство своей ситуации, и тебе не придется развивать в себе смертельную болезнь, чтобы все понять, - как делают многие люди. Ты уловила суть; и вместе с пониманием к тебе придет исцеление.

Давай-ка я расскажу, что в точности произошло и как это влияло на твою жизнь до нынешнего момента, - продолжал я, стремясь объяснить сестре динамику ее ситуации. - Когда ты была маленькой, тебе казалось, будто папа тебя не любит и не заботится о тебе. Для девочки это ужасно. Девочке для полноценного развития необходимо чувствовать, что отец ее любит. Поскольку ты не получала этой любви, то заключила, будто с тобой что-то не в порядке. Ты стала всерьез полагать, будто не достойна любви и изначально недостаточно хороша. Это убеждение глубоко засело в подсознании и позже стало управлять твоей жизнью и регулировать взаимоотношения с людьми. Иными словами, жизнь всегда отражала твое подсознательное убеждение, будто ты недостаточно хороша, и ставила тебя в ситуации, на практике подтверждающие, что ты действительно недостаточно хороша. Жизнь всегда дает подтверждения нашим убеждениям.

В детстве боль оттого, что ты не можешь завоевать расположение отца, была для тебя нестерпимой, поэтому часть этой боли ты подавила, а часть - вытеснила. О подавленных эмоциях человек знает, но держит их в узде. А вытесненные эмоции скрыты так глубоко в подсознании, что ты вообще не знаешь об их существовании.

Позже, узнав, что отец от природы не очень душевный человек и, вероятно, вообще не способен никого любить, ты в некоторой степени реабилитировала себя и частично исцелилась от последствий недостатка отцовской любви. Очевидно, ты отпустила часть подавленной боли и отчасти отказалась от убеждения, будто не достойна любви. В конце концов, если он вообще никого не любит, значит, в том, что он не любит и тебя, твоей вины нет.

Затем происходит ошеломительное событие, которое возвращает тебя в исходную точку. Увидев, как нежно относится папа к моей дочери Лорен, ты вновь утвердилась в своих изначальных убеждениях. Ты сказала себе: «Оказывается, мой отец способен любить, но только не меня. Очевидно, причина во мне. Я недостаточно хороша для папы и никогда не буду достаточно хороша ни для одного мужчины». С этого момента ты постоянно создавала в своей жизни ситуации, подтверждающие, что ты недостаточно хороша.

— Каким это образом? - перебила Джилл. - Я не вижу, в чем была недостаточно хороша.

— А как складывались ваши отношения с твоим первым мужем, Генри? - спросил я. Джилл была замужем за Генри, отцом ее четверых детей, в течение пятнадцати лет.

— Во многом неплохо, но он мне постоянно изменял. Он постоянно искал возможности заняться сексом с другими женщинами, и меня это ужасно угнетало.

— Вот именно. И в этой ситуации ты воспринимала его как мучителя, а себя - как жертву. Хотя на самом деле ты сама привлекла этого человека в свою жизнь именно потому, что в глубине души знала: он предоставит достаточно подтверждений, что ты недостаточно хороша. Изменяя тебе, он доказывал, что твоя самооценка верна.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что я теперь должна сказать ему за это спасибо? Ну уж нет, черта с два! - сказала она смеясь, но не в силах скрыть свой гнев.

— Однако Генри ведь действительно поддерживал тебя в твоём убеждении, не так ли? - заметил я. - Ты была настолько не хороша, что ему постоянно приходилось искать других женщин - что-то большее. Если бы он вел себя иначе, хранил верность и относился к тебе так, как будто ты вполне хороша, ты бы создала какую-нибудь. Другую драматическую ситуацию, чтобы подтвердить свои Убеждения. Хотя твоё мнение о себе ложно, оно мешает тебе быть достаточно хорошей.

— С другой стороны, - продолжал я, - если бы ты тогда исцелилась от своей боли в связи с отцом и отказалась от убеждения, будто ты недостаточно хороша, Генри сразу же перестал бы ухаживать за твоими подругами. А если бы не перестал, ты бы с радостью его оставила и нашла бы другого мужчину, для которого была бы хороша. Мы всегда создаём реальность вокруг себя в соответствии с собственными убеждениями. Если ты хочешь выяснить, каковы твои убеждения, присмотришься, что происходит вокруг. Жизнь всегда отражает нашу точку зрения.

Джилл, видимо, была несколько озадачена, поэтому я решил повторить кое-что из сказанного прежде:

— Всякий раз, когда Генри заводил очередной роман, он давал тебе новый шанс исцелить свою боль из-за того, что тебя не любил папа. Он демонстрировал тебе твоё же убеждение, будто ты никогда не будешь достаточно хороша ни для одного мужчины. Когда это произошло первые несколько раз, тебе могло стать настолько больно и обидно, что ты сумела бы осознать свою первичную детскую травму и разобраться в собственном отношении к себе. На самом деле эти первые измены представляли для тебя прекрасную возможность прибегнуть к радикальному прощению и избавиться от старой травмы, - но ты эту возможность упустила. Вместо этого ты всякий раз винила во всем своего мужа и принимала роль жертвы, - а в таких условиях исцеление невозможно.

— Ты говоришь о прощении? - спросила Джилл с болью в голосе. - Уж не значит ли это, что я должна была простить ему то, что он соблазнил мою лучшую подругу и вообще спал со всеми, кто был не прочь?

— Это значит, что в тот момент он предоставил тебе возможность вспомнить о боли, мучающей тебя с детства, и осознать, какие представления о себе портят тебе жизнь. Тем самым он дал тебе шанс понять и изменить свои убеждения и, таким образом, исцелить детскую травму. Вот что я имею в виду, говоря о прощении. Разве ты не видишь, Джилл, что Генри заслуживает прощения?

— Да, думаю, заслуживает, - ответила сестра. - Он всего-навсего отразил мои убеждения, которые сформировались из-за того, что мне не хватало отцовской любви. Генри просто подтверждал мою правоту по поводу того, что я недостаточно хороша. Так?

— Правильно, и, поскольку Генри предоставил тебе такую возможность, он заслуживает благодарности, - и даже в большей степени, чем ты думаешь сейчас. Мы не можем знать, изменил бы он своё поведение, если бы ты тогда избавилась от своей проблемы, связанной с отцом, или тебе пришлось бы все-таки оставить Генри. Но в любом случае твой бывший муж мог тебе очень помочь. С этой точки зрения он заслуживает не только прощения, но и благодарности. В конце концов, он совсем не виноват в том, что ты не разглядела предназначенное тебе послание, которое скрывалось за его поведением.

— Я понимаю, - продолжал я, - тебе трудно признать, что он пытался преподнести тебе дар. Мы не приучены думать подобным образом. Мы не приучены вдумываться в текущую ситуацию, говоря себе: «Ну-ка посмотрим, чем я наполнил свою жизнь. Разве это не интересно?»

Нет, нас приучили судить, винить, разыгрывать из себя жертву и стремиться к отмщению. И ещё мы не приучены думать, что нашей жизнью управляют силы, лежащие за пределами сознания, - однако дело обстоит именно так.

На самом деле, тебя пыталась исцелить душа Генри. Внешне казалось, что Генри просто следует своим сексуальным пристрастиям, но его душа, - работая в паре с твоей душой, -

решила использовать это пристрастие для твоего духовного роста. Работа радикального прощения направлена именно на признание этого факта. Цель радикального прощения состоит в том, чтобы увидеть истину, скрывающуюся за поверхностью видимых событий, и найти любовь, которая есть в каждой ситуации.

Я почувствовал, что разговор о Джефе поможет Джилл лучше понять все эти принципы, поэтому сказал:

— Давай-ка еще раз вспомним о Джефе и посмотрим, как эти принципы применимы к вашим взаимоотношениям. В самом начале вашей совместной жизни Джеф был к тебе очень нежен. Он души в тебе не чаял, все для тебя делал и обо всем с тобой говорил. Внешне жизнь с Джефом протекала достаточно хорошо. Однако обрати внимание, что такая ситуация не соответствовала твоим представлениям о себе. Согласно твоим убеждениям, мужчина не должен проявлять так много любви к тебе. Ты недостаточно хороша, помнишь?

Джилл кивнула, все еще неуверенная и озадаченная.

— Твоя душа знает, что тебе необходимо избавиться от этого убеждения, поэтому она каким-то образом вступает в сговор с душой Джефа, чтобы помочь тебе. Внешне кажется, что Джеф ведет себя странно и совершенно нехарактерно для себя. Он очень задевает тебя, проявляя любовь к другой Лорен, таким образом разыгрывая перед тобой тот же сценарий, который вы разыграли с отцом много лет назад. Кажется, что он безжалостно мучает тебя, а ты оказываешься в роли беспомощной жертвы. Разве не такова, в общих чертах, твоя нынешняя ситуация? - спросил я.

— Думаю, такова, - спокойно сказала Джилл. Нахмутив лоб, сестра пыталась собрать воедино новую картину мира, которая складывалась у нее в мозгу.

— И вот, Джилл, ты опять оказалась перед выбором. Ты должна выбрать: либо исцелиться и вырасти, либо доказать свою правоту, - сказал я и улыбнулся. - Если ты выберешь путь, который выбирают большинство людей, то останешься жертвой, а Джеф окажется мучителем, и таким образом выяснится, что ты была права. Ведь действительно, он ведет себя жестоко и неразумно, и я не сомневаюсь, что многие женщины посоветовали бы тебе предпринять весьма решительные шаги в данной ситуации. Ведь большинство подруг советуют тебе развестись с Джефом, не правда ли?

— Правда, - ответила Джилл. - Все говорят, что мне нужно оставить Джефа, если его поведение не изменится. На самом деле, я думала, что ты посоветуешь то же самое, - сказала сестра с некоторым разочарованием.

Я рассмеялся.

— Несколько лет назад, так бы оно, вероятно, и было. Однако после того, как я познакомился с этими духовными принципами, моя точка зрения на подобные ситуации кардинальным образом изменилась, как видишь, - сказал я, лукаво улынувшись Джону. Он тоже ухмыльнулся, но не ответил.

— Как ты, наверное, уже догадалась, - продолжал я> - другой выбор состоит в том, чтобы признать, что за внешней ситуацией происходит нечто гораздо более значительное и потенциально полезное для тебя. Другой выбор состоит в том, чтобы допустить, что за поведением Джефа кроется другой смысл, другое значение, другое намерение - дар, предназначенный тебе. Немного подумав, Джилл сказала:

— Джеф действительно ведет себя чертовски странно, и найти причины этому очень трудно. Возможно, действительно происходит что-то, чего я не могу увидеть. Полагаю, ситуация и вправду в чем-то подобна тому, что было с Генри, но сейчас мне это трудно признать, поскольку я слишком растерянна. Я вижу только то, что творится на поверхности.

— Это нормально, - сказал я ободряюще. - Послушай, тебе даже нет нужды разбираться во всем до конца. Уже само желание предположить, что происходит что-то незримое, - огромный шаг вперед. На самом деле, желание увидеть ситуацию в новом ракурсе - это ключ к твоему исцелению. Исцеление на 90% происходит уже тогда, когда ты допускаешь саму мысль о том, что эту ситуацию любовно создала для тебя твоя же душа. Допуская это, ты передаешь контроль над происходящим в руки Бога. А он уже позаботится об оставшихся 10%. Если ты на

глубочайшем уровне поймешь и примешь мысль о том, что Бог все уладит, и положишься на него, то тебе вообще не придется ничего делать. Ситуация разрешится сама собой, и к тебе придет исцеление.

Однако для этого ты можешь предпринять один вполне рациональный шаг, который поможет тебе сразу же взглянуть на вещи в другом ракурсе. Тебе нужно отделить факты от вымыслов - то есть признать, что твое убеждение в собственной несостоятельности не имеет под собой никакого реального основания. Это просто история, которую ты сама сочинила, произвольно интерпретируя несколько фактов.

Мы делаем это постоянно. Переживая событие, мы определенным образом интерпретируем его. Затем складываем факты и интерпретации вместе и таким образом создаем картину происшедшего - в значительной мере, ложную картину. Эта картина превращается в убеждение, и мы защищаем ее, словно это - истина в последней инстанции. Но она, конечно же, таковой не является.

В твоем случае факты таковы: папа не обнимал тебя, не играл с тобой, не брал на руки, не сажал к себе на колени. Он не удовлетворял твою потребность в любви. Это - факты. На основании данных фактов ты пришла к заключению: «Папа меня не любит», - разве не так все было?

Сестра кивнула.

— Однако из того факта, что он не удовлетворял твои потребности, отнюдь не следует, что он тебя не любил, - продолжал я. - Это твоя интерпретация. Ложная интерпретация. Половые импульсы у него были глубоко подавлены, и любые формы близости его пугали, - нам это хорошо известно. Возможно, он просто не умел выразить свою любовь так, как хотела ты. Помнишь тот прекрасный кукольный домик, который он сделал тебе как-то раз на рождество? Я видел, как он часами трудился над ним по вечерам, пока ты спала. Может быть, он просто не знал другого способа проявить свою любовь к тебе.

Я не хочу оправдывать отца или убеждать тебя в том, что твои слова и чувства не верны. Я просто пытаюсь продемонстрировать свойственную нам всем пагубную склонность принимать собственные интерпретации за истину.

Потом, основываясь на тех же фактах и своей интерпретации, мол «Папа меня не любит», ты сделала следующее смелое предположение: «Это моя вина. Должно быть, со мной что-то не так». А это - еще большая ложь, чем первое предположение. Ты согласна? Джилл кивнула.

— В том, что ты пришла к этому выводу, нет ничего удивительного, ибо такой ход мыслей свойствен малышам, - продолжал я. - Детям кажется, что мир вращается вокруг них. Поэтому, если что-то идет не так, как хотелось бы, ребенок всегда считает, будто виноват в этом именно он. Когда такая мысль приходит ему в голову впервые, малыш испытывает нестерпимую душевную боль. Чтобы избавиться от боли, ребенок вытесняет эту мысль в подсознание, но в результате ему становится лишь еще труднее избавиться от нее. Таким образом, повзрослев, мы по-прежнему остаемся в плену у ложной идеи «со мной что-то не так, и я сам во всем виноват».

Всякий раз, когда какая-то ситуация в жизни пробуждает в нас воспоминания о вытесненной боли или связанных с ней представлениях, это вызывает у нас эмоциональную регрессию. Мы чувствуем и ведем себя в точности как малыш, которому пришлось впервые пережить эту боль. Именно это произошло, когда ты увидела, как моя Лорен сумела пробудить любовь в нашем отце. Тебе было уже двадцать семь лет, но в тот момент ты регрессировала до уровня двухлетней девочки, которой кажется, будто ее не любят, и которая целиком погружена в свои детские горести. Ту же самую ситуацию ты разыгрываешь и сейчас, но на этот раз во взаимоотношениях с мужем.

— Ты строишь свои взаимоотношения, основываясь на выводах, которые сделаны двухлетним ребенком и на самом деле не имеют под собой никакого основания, - заключил я. - Ты понимаешь это, Джилл?

— Да, понимаю, - ответила сестра. - Я сделала глупые выводы, основываясь на этих подсознательных послылках, правильно?

— Да, но это произошло, когда тебе было больно, и ты была еще слишком маленькой, чтобы поступить разумнее, - сказал я. - Ты будто бы избавилась от боли, вытеснив ее в подсознание, но, несмотря на это, ложные убеждения продолжали управлять твоей жизнью на подсознательном уровне. Тогда твоя душа решила устроить тебе в жизни драму, которая помогла бы тебе вновь осознать свои ложные убеждения. Таким образом, ты получила возможность исцелиться.

— Ты сама притягивала к себе людей, которые заставляли тебя посмотреть в лицо собственной боли и освежить опыт детства, - продолжал я. - Именно это делает сейчас Джеф. Я, конечно, не утверждаю, будто он делает это сознательно. Нет, он наверняка не меньше озадачен собственным поведением, чем ты. Помни, это - взаимодействие душ. Его душа знает о твоей детской боли и понимает, что ты не избавишься от нее, если снова не пройдешь через этот опыт.

— Ого! - воскликнула Джилл, глубоко вздохнув. Впервые с тех пор, как мы начали говорить об этой ситуации, ее тело расслабилось. - Это, конечно, совершенно непривычный для меня взгляд на вещи, но знаешь что? Мне стало легче. Такое впечатление, что после нашего Разговора с моих плеч упал тяжелый груз.

— Дело в том, что изменилось твое энергетическое поле, - ответил я.

— Ты только представь себе, сколько тебе пришлось тратить энергии лишь на то, чтобы постоянно оживлять в своей памяти этот эпизод с отцом и Лорен. Добавь сюда энергию, уходившую на то, чтобы сдерживать боль и обиду, связанные с этой историей. Часть этой боли ушла сегодня вместе со слезами. А только что ты признала, что вся эта история - вымышленная. Представь себе, насколько тебе должно стать от этого легче. Вдобавок ты расходовала очень много энергии на Джефа - на то, чтобы он был не таким, как нужно; на то, чтобы самой быть не такой, как нужно; на то, чтобы оставаться жертвой, и так далее. Одного желания увидеть ситуацию в новом ракурсе оказалось достаточно, чтобы высвободить всю эту энергию и использовать себе во благо. Не удивительно, что ты почувствовала себя лучше! - заключил я и улыбнулся.

— А что было бы, если бы я не поняла, что кроется за нашей с Джефом ситуацией, и просто ушла от него? - спросила Джилл.

— Твоя душа нашла бы другого человека, который помог бы тебе исцелиться, - ответил я, не раздумывая. - Но ты ведь не ушла от него, правда? Вместо этого ты приехала сюда. Тебе нужно понять, что эта поездка не была случайной. В этой системе нет места для случайностей. Ты (или, вернее, твоя душа) затеяла эту поездку именно для того, чтобы дать себе возможность разобраться в динамике своих взаимоотношений с Джефом. Твоя душа привела тебя сюда. А душа Джона решила совершить это путешествие именно сейчас для того, чтобы ты смогла поехать с ним.

— А что думать о двух Лорен? - поинтересовалась Джилл. - Как это понимать? Не может же это быть просто совпадением.

— Для совпадений в этой системе тоже нет места. Просто твоя душа и души других людей все вместе задумали эту ситуацию и очень ловко задействовали в ней двух разных Лорен - сейчас и тогда. Более удачного ключа и не придумаешь. Трудно представить себе, что это не было устроено нарочно, не правда ли?

— А что же мне делать теперь? - спросила Джилл. - Да, мне действительно стало легче, но что мне делать, когда я вернусь домой и снова увижу Джефа?

— А тебе ничего особенного делать и не нужно, - ответил я. - Отныне более важно, как ты себя чувствуешь. Ты поняла, что не являешься жертвой? Ты поняла, что Джеф - не мучитель? Ты поняла, что именно эта ситуация была тебе необходима? Ты понимаешь, насколько сильно любит тебя этот мужчина, - если говорить о том, что происходит на уровне душ?

— Что ты имеешь в виду?

— Он готов делать что угодно, лишь бы довести тебя до точки, откуда ты сможешь взглянуть на собственные представления о себе и увидеть, насколько они неверны. Ты понимаешь, какой дискомфорт он согласился терпеть, чтобы помочь тебе? По природе своей он не жестокий человек, поэтому все это должно даваться ему с трудом. Немногие мужчины

смогли бы такое для тебя сделать, Рискаю при этом тебя потерять. Воистину, Джеф - или Душа Джефа - твой ангел. Когда ты это поймешь, в тебе проснется такая благодарность к нему! Кроме того, ты перестанешь посылать подсознательные сигналы, что не-Достойна любви. Возможно, впервые в жизни ты сумеешь полностью раскрыть свое сердце для любви.

Ты простишь Джефа, поскольку тебе станет совершенно очевидно, что ничего плохого не происходило в вашей жизни. Ситуация была совершенной во всех отношениях.

— И еще я могу гарантировать, - продолжал я, - что в этот самый момент, когда мы с тобой тут разговариваем, Джеф изменяется и скоро откажется от своего странного поведения. Душа Джефа уже узнала, что ты простила его и отказалась от ложного представления о себе самой. Его энергетическое поле изменится вместе с твоим. Между вами существует энергетическая связь. Физическое расстояние тут роли не играет.

Возвращаясь к вопросу Джилл, я сказал:

— Так что, вернувшись домой, можешь ничего особенного не делать. Я даже хочу, чтобы ты пообещала мне не предпринимать никаких активных действий после возвращения. В частности, ни в коем случае не рассказывай Джефу о своем новом взгляде на ситуацию. Я хочу, чтобы ты увидела, как все наладится само собой, просто вследствие того, что изменилось твое восприятие.

— Ты почувствуешь, что и сама изменилась, - добавил я. - Ты заметишь, что стала более умиротворенной, сосредоточенной и расслабленной. В тебе появится пронизательность, которая вначале будет удивлять Джефа. Для того чтобы ваши взаимоотношения наладились, потребуется время, и вначале будет нелегко, однако в конце концов все будет в порядке, - закончил я убежденно.

Прежде чем сестра вернулась в Англию, мы с ней еще не раз рассматривали этот новый взгляд на ситуацию. Человеку, переживающему самый пик душевной боли, всегда трудно принять точку зрения радикального прощения. Для того чтобы обрести состояние, когда может состояться настоящее радикальное прощение, нередко требуется немало поработать над собой и проникнуться соответствующими взглядами, - тут может понадобиться также помощь со стороны. Чтобы помочь своей сестре, я познакомил ее с некоторыми дыхательными упражнениями, которые помогают освободиться от эмоций и интегрировать в свою жизнь новый способ бытия. Кроме того, я попросил ее заполнить анкету радикального прощения (см. часть четвертую, «Инструменты радикального прощения»).

В день отъезда сестре было явно не по себе оттого, что приходится возвращаться к ситуации, которую она оставила в Англии. Уходя по коридору аэропорта к самолету, она обернулась и постаралась уверенно помахать мне на прощание, но я знал, что Джилл боится утратить свое новое понимание и снова увязнуть в этой жизненной драме.

Встреча с Джефом, кажется, прошла хорошо. Джилл попросила, чтобы он не расспрашивал у нее сразу же, что произошло во время поездки в Америку. Еще она попросила мужа, чтобы он дал ей несколько дней, чтобы прийти в себя. Однако Джилл сразу же заметила происшедшую в нем перемену. Муж стал внимательным, ласковым и заботливым - совсем как тот Джеф, которого она знала до всей этой истории.

В течение нескольких следующих дней Джилл сказала Джефу, что больше не винит его ни в чем и не требует, чтобы он каким-то образом изменился. Джилл сказала, что поняла, что она сама должна брать на себя ответственность за свои чувства и решать любые возникающие в ее жизни проблемы, не виня ни в чем Джефа. Она не вдавалась в тонкости своего нового подхода к жизни и ничего не пыталась объяснить.

После возвращения Джилл дела дома шли хорошо, и поведение Джефа по отношению к Лорен очень сильно изменились. Фактически, что касается этих отношений, все, кажется, вернулось в норму, но отношения между Джилл и Джефом по-прежнему оставались несколько напряженными, и они общались довольно мало.

Недели через две ситуация пришла к своему логическому завершению.

Глядя на Джефа, Джилл сказала спокойно:

— У меня такое чувство, словно я потеряла лучшего друга.

— У меня тоже, - ответил Джеф.

Впервые за много месяцев они почувствовали объединяющую их связь. Обнявшись, они расплакались.

— Давай поговорим, - предложила Джилл. - Мне нужно рассказать тебе о том, чему научил меня Колин в Америке. Вначале все может показаться тебе достаточно странным, но я хочу поделиться с тобой. Ты не обязан мне верить. Я просто хочу, чтобы ты выслушал. Согласен?

— Я выслушаю, как бы трудно это ни было, - ответил Джеф. - Я почувствовал, что с тобой произошло что-то важное, и хочу знать обо всем. Ты изменилась, и мне нравится, какая ты стала. Ты уже не тот человек, который улетал в Америку вместе с Джоном. Итак, рассказывай.

Джилл говорила и говорила. Она, как могла, объяснила мужу динамику радикального прощения, стараясь, чтобы он все понял. Она чувствовала себя очень сильной - уверенной в себе и в своем новом взгляде на жизнь. Ее мысли были ясными и спокойными.

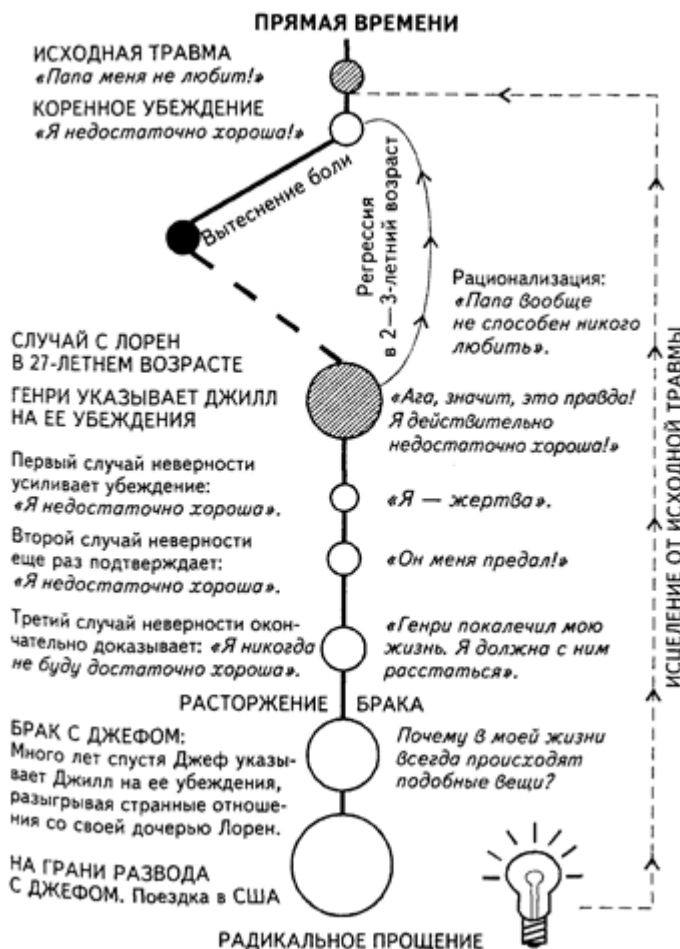
Джеф, человек практического ума, скептически настроенный по отношению к любым явлениям, не имеющим рационального объяснения, на этот раз не спорил, - более того, он оказался открыт к идеям, которые высказала Джилл. Он согласился рассмотреть в качестве гипотезы, что за повседневной реальностью может лежать некий духовный мир, и признал, что при таких условиях концепция

радикального прощения не лишена логики. Он не смог принять все это полностью, однако с готовностью выслушал Джилл и увидел, каким образом данные идеи изменили ее взгляд на мир.

После этого разговора оба почувствовали, что любовь между ними еще не угасла и их взаимоотношения не безнадежны. Однако они ничего не стали обещать друг другу и договорились и впредь периодически беседовать и анализировать, как развиваются их отношения.

А развиваются они довольно хорошо. Джеф по-прежнему очень заботливо относится к своей дочери Лорен, но не в такой степени, как прежде. Джилл заметила, что теперь ее почти не волнует, когда муж ведет себя подобным образом. Это уже не побуждает к эмоциональной Регрессии и реакции, основанной на детских представлениях о себе.

Приблизительно через месяц после их беседы Джеф вообще перестал опекать Лорен так, как прежде. И Лорен в свою очередь перестала заходить и звонить так часто: она как-то обустроила свою жизнь. Все постепенно вернулось в прежнее русло, и взаимоотношения между Джилл и Джефом понемногу стали еще более нежными и прочными, чем прежде. К Джефу опять вернулась его врожденная доброта и чувствительность, Джилл перестала чувствовать себя неполноценной, Лорен нашла счастье в жизни.

Если бы душа Джилл не привела ее в Атланту для беседы со мной, я уверен, что сестра развелась бы с мужем. В общей жизненной схеме это тоже было бы нормально. Джилл просто нашла бы другого человека, который снова воссоздал бы ее детскую драму и предоставил бы ей новую возможность обрести исцеление. А так она воспользовалась именно этой возможностью решить свои проблемы и сохранила брак.

Теперь, когда через много лет после того кризиса я работаю над вторым изданием книги, Джилл и Джеф по-прежнему живут вместе - и живут счастливо. Как любая пара, они иногда проходят через драмы, однако теперь они умеют видеть в этих ситуациях возможности исцеления и решают свои проблемы быстро и изящно.